

DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394

УДК 159.9

Социальная активность личности и группы: определение, структура и механизмы

Р.М. Шамионов

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
Российская Федерация, 410012, Саратов, Астраханская ул., 83

Проблема социальной активности личности и группы становится центральной в современной социальной, экономической и политической психологии. Инновационные процессы в обществе, сохранение динамического равновесия в нем всецело зависят от высвобождения социальной активности личности и групп, от ее свободы и разнообразия, конструктивности и ответственности. В статье представлен теоретический анализ проблемы операционализации феноменов социальной активности личности и группы, обобщение разрозненных данных о ее основаниях, побудителях, механизмах и общественных эффектах. Предложено определение социальной активности как частного случая инициативного воздействия социальных субъектов на окружающую социальную среду, как действий, направленных на изменение и преобразование социальных объектов, в результате которых происходит изменение самой личности и всей социальной ситуации, рассмотрена проблема ее операционализации. Показано, что социальная активность является эффектом социализации личности и развития субъекта. Отмечены различия социальной активности в разные возрастные периоды, ее значение для личности и ее социально-психологического статуса. Выделена многокомпонентная структура социальной активности, включающая когнитивный, эмоционально-оценочный, мотивационный, поведенческий компоненты. Проанализированы побудительные механизмы социальной активности (мотивация, удовлетворенность/неудовлетворенность как показатель диахронического рассогласования личности и социальной среды). Намечены эмпирические исследования, направленные на выяснение предикторов и оснований доминирующих видов социальной активности личности.

Ключевые слова: личность, субъект, социальная активность, побудительные механизмы, структура активности, системно-диахронический подход

Введение

Социальная активность предполагает широкий диапазон подразумеваемых явлений — от активности, взятой в любом социальном контексте, до активности, понимаемой как конкретное поведение относительно конкретного сегмента социальной реальности. Возросший в последние десятилетия интерес к проблеме социальной активности связан с социально-экономическими и социально-политическими процессами в нашей стране и мире, характеризующими действия гражданского общества, с одной стороны, и необходимостью изучить психологические основания, детерминанты и механизмы включенности личности и групп в эти процессы для разработки средств диагностики, моделирования и риск-

менеджмента социальной активности в масштабах большого и малого социума, с другой. Исследователями показано, что достаточно большое количество лиц (по разным оценкам от 30 до 60 %) не верят в то, что социальная активность может принести весомые результаты (Балабанов, Кузонков, 2013; Трощук, Сохадзе, 2014). Между тем, по другим данным, отмечается рост протестных настроений (Михайлова, 2017), социальной напряженности в связи с растущими экономическими проблемами и «свертыванием» легальных форм выражения недовольства и критики властей (Петухов, 2016), в том числе и в молодежной среде (Рубан, 2016). Отметим также и то, что неучастие большого количества людей в общественных объединениях (и тем более в стихийных акциях) вовсе не означает отсутствие социальной активности. Более того, кажущаяся пассивность может быть весьма обманчивой, поскольку при определенных условиях, в силу отмеченной исследователями напряженности и неудовлетворенности базовых потребностей (Гусейнов, 2016), формирование активности может происходить стремительно. Она может проявляться в разных областях, а самооценка социальной активности дает стабильно высокий результат как в наших исследованиях (Шамяонов, 2012), так и в исследованиях коллег (Соколова, 2011; Григорьев, 2012). Необходимо также учесть, что в представлениях о социальной активности содержатся такие категории-ассоциации, как общественная деятельность, лидерство, коммуникация, достижение целей, досуг, помощь другим и т.п. (Соколова, 2011). Это значит, что социальная активность весьма разнообразна; она проявляется в той мере и в той области, которые определяются самой личностью как необходимые ей для полноценной жизни и самореализации в социальном пространстве. Недостаточно сильный интерес личности к определенному виду социальной активности и участию в нем может сопровождаться поглощенностью другим видом или смениться полной сосредоточенностью на нем. Кроме того, социальная активность личности может быть разноуровневой: от минимального включения до полной погруженности, от пассивного приятия до инициативы. Поэтому важно выявить внутренние условия активности, ее механизмы. Цель данной статьи — определение и теоретический анализ структуры социальной активности, ее механизмов.

Актуальность проблемы социальной активности заключается в необходимости разработки нового теоретического подхода к анализу социальной активности личности, ее психологических детерминант и механизмов. Такое теоретическое знание позволит глубже проникнуть в психологическую ткань данного явления, разработать научно-обоснованные принципы риск-менеджмента социальной активности личности и групп.

Определение и операционализация понятия

Длительное время в отечественной науке под социальной активностью понималась любая социально-полезная активность, включая социально-организационную, социально-политическую (в рамках очерченных правил включения в различного рода организации — пионерия, комсомол, партия, профсоюз, советы) и гражданскую (Зайцева, 2008). Соответственно, социальная активность представ-

лялась предметом воспитания (опять же, на разных уровнях — образовательном, общественно-массовом и т.п.), цель которого можно лаконично определить через формулу «быть полезным обществу». Между тем определение социальной полезности весьма расплывчато. Более того, очень часто она выявляется по прошествии большого количества времени, порой в историческом масштабе. В педагогике социальную активность рассматривают как социальный и личностно-интегрированный результат воспитания, который направлен на социальное творчество как способ жизнедеятельности (Палаткина, 2012). Социологический взгляд на социальную активность связан с самостоятельностью, самостоятельностью в той или иной сфере социальной жизни. Считается, что она может проявляться в разных сферах: экономике, культуре, быту, сфере труда (Балабанов, Куконков, 2013). Социальная активность определяется через деятельность индивида, коллектива, социальной группы, общества в целом, сознательно ориентированную на решение проблем социальной общности (Кравченко, 2004). Иначе говоря, социологический взгляд на социальную активность акцентирован на ее общесоциальных и групповых эффектах. Психологическое определение социальной активности характеризует ее как индивидуальные или групповые действия, направленные на изменения социального «Я», своего места в обществе, а также общества в целом (Купрейченко, 2012; Купрейченко, Моисеев, 2010).

Необходимо отметить, что психологическая трактовка социальной активности имеет глубокие основания в работах С.Л. Рубинштейна, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, К.А. Абульхановой, Л.И. Анцыферовой, М.С. Кагана, Г.М. Андреевой, В.А. Петровского, А.Л. Журавлева и ряда других исследователей. Несмотря на отличия (порой существенные), исследователи сходятся в том, что социальная активность целенаправленна, осознаваема, в ней проявляется отношение личности к объектам окружающей социальной действительности, и связана с деятельностью (или сводится к ней).

Консолидация современных исследователей, изучающих проблемы социальной активности в последние десятилетия, произошла благодаря организованной доктором психологических наук, академиком РАН А.Л. Журавлевым секции «Социальное самоопределение и социальная активность молодежи». Дискуссии, развернувшиеся на этой площадке, имели большое значение для новой волны исследований и оказали существенное влияние на разработку ряда направлений психологии социальной активности (Дробышева, 2010; Чернышев, 2011).

Наше понимание социальной активности связано с процессом становления социальности человека. В разработке теоретического подхода к исследованию социальной активности личности мы опираемся на методологические позиции системного (Б.Ф. Ломов, В.А. Ганзен, В.Д. Шадриков, М. Месарович, Д. Мако, И. Такаха и др.) и метасистемного (А.В. Карпов) подходов, в соответствии с которыми социальная активность личности и группы понимается как система со встроенным метасистемным уровнем социальной действительности, строится по иерархическому принципу и описывается пространственными, временными, энергетическими и информационными характеристиками; ее основания, внешние и внутренние детерминанты находятся в постоянном движении. Кроме того,

нами применен принцип диахронии (Л.И. Анцыферова, В.В. Крюков, Е.А. Сергиенко и др.), в соответствии с которым характеристики социальной активности изменяются разнонаправленно: рост одних сопровождается спадом других, что в норме позволяет сосредоточиться на главном направлении активности. Наконец, опора на позитивный подход (Д.А. Леонтьев, Э. Динер, М. Селигман, М. Чиксентмихайи, К. Рифф и др.) позволяет рассматривать социальную активность сквозь призму реализации базовых потребностей (в том числе в автономии, связанности с другими и т.д.), того, как она сможет помочь человеку достичь субъективного благополучия.

Таким образом, реализация системно-диахронического подхода к анализу социальной активности личности, ее детерминант и механизмов предполагает раскрытие всех ее элементов как разворачивающихся во времени, в развитии и соотношении с изменениями ситуации. Это значит, что социальная активность понимается не просто как факт вовлеченности в какие-либо события, но как деяния, разворачивающиеся во времени и в пространстве, имеющие различные эффекты на уровне самой личности, группы или общества в целом, где различные характеристики имеют положительную и отрицательную динамику, в результате чего происходит согласование и рассогласование как на уровне системы (личности или группы), так и на уровне метасистемы (социума).

Социальная активность личности является закономерным *эффектом социализации*. Это активность, направленная на изменение и преобразование социальных объектов, в результате которой происходит изменение самой личности и всей социальной ситуации. Вместе с тем «носителем» социальной активности является не только личность, но и группа. Более того, согласно исследованиям А.Л. Журавлева, активность есть способ реализации бытия группы, что представляется как «*критериальное качество* группы быть субъектом» (Журавлев, 2009, с. 74); она включает совокупность групповых феноменов, в том числе коммуникацию, общение, групповое действие и т.д. Поэтому социальная активность понимается как частный случай инициативного воздействия социальных субъектов на окружающую социальную среду. Социальная активность личности и групп предполагает не только участие в общественной жизни, но, прежде всего, инициативно-творческое отношение к сферам своей социальной жизнедеятельности, а также самому себе как субъекту социального бытия. С этим связаны сферы социальной активности, в которых она не только находит свое выражение, но и превращается порой в самостоятельную деятельность: общественно-организационная, самоуправленческая, политическая, экономическая, гражданская, альтруистическая (волонтерская), социально-коммуникативная и интернет-сфера, досуговая, образовательно-развивающая и пр. Классификация видов и типов социальной активности (Купрейченко, 2012; Шамяонов, 2012) предусматривает их дифференциацию по различным основаниям — длительности, широте охвата, источнику инициативы, сфере реализации, субъекту, просоциальности, или «эффективности для общества», и т.д.

Таким образом, педагогическое, социологическое и психологическое определения социальной активности отражают не только различный угол зрения на

данное явление, но и исходят из различных оснований. В педагогике она рассматривается как позитивный ресурс для развития личности и группы, в социологии как ресурс развития общества, в психологии как условие для самореализации личности и группы.

Необходимо упомянуть и о двояком статусе понятия «социальная активность» в отечественной и зарубежной психологии. Так, если в отечественной науке социальная активность понимается как инициативное воздействие социальных субъектов на окружающую среду, на других людей и себя, воспроизводящее или изменяющее условия их жизнедеятельности и развивающее их собственную организационную структуру и психику (Крысько, 2001), то за рубежом она понимается, прежде всего, как часть занятого образа жизни, проявляющегося в волонтерской, творческой, коммуникативной, общественной социальной деятельности (McFarland, 2006; Brown, 2012; Oosterhoff, 2017). Это говорит в пользу расширенного толкования социальной активности в отечественной науке.

Мы склонны рассматривать социальную активность личности и группы в контексте позитивной психологии — прежде всего, с точки зрения ее позитивных эффектов, достигаемых на уровне личности и общества, а также ее средств и целей. Поэтому целесообразно говорить о социальной активности личности и группы как той, которая имеет не просто отношение к социальному поведению (коммуникации, взаимодействию, оказанию помощи и пр.), но к социальному по происхождению и целям поведению, инициативному и преобразующему социальную реальность, включая и саму личность или группу, в результате чего появляется новое качество и того, и другого. Попытка интегрировать представления о социальном поведении с точки зрения его объективных проявлений и внутренней активности личности создает немало проблем методологического плана. Речь идет о некоторой путанице при анализе социальной активности — как таковой или внутренне-преобразующей. Трудность *операционализации* социальной активности состоит как раз в том, что невозможно отделить собственно поведение (объективное по своему содержанию и результатам) и те личностно-субъективные процессы, которые его порождают, сопровождают, а порой просто невидимы в силу того, что оно направлено на самого себя и его объективные результаты можно обнаружить только по прошествии длительного времени. Поэтому следует, различая виды социальной активности, не рассматривать их как изолированные друг от друга, но как связанные и порой реализующиеся одновременно (например, альтруистическая и политическая активность). Одним из важнейших вопросов является вопрос об общем уровне активности и его динамике. Несмотря на то, что уровень социальной активности (энергетически) иногда ассоциируют с психодинамическими характеристиками индивида (например, эргичностью по В.М. Русалову (Русалов, 2012), а согласно И.Г. Дубову, общая психическая активность может считаться «энергетическим аналогом» социальной активности (Дубов, 2012, с. 53), применительно к социальной активности речь должна идти, прежде всего, об исходной социально-обусловленной диспозиции на активность. Довольно часто лица с исходной невысокой психодинамикой могут демонстрировать конкурентные качества социальной активности.

В разрабатываемом И.Г. Дубовым подходе к активности ее характеристиками предлагается считать динамические характеристики поведения («...интенсивность, скорость, темп и ритм, меняющиеся в соответствии с энергией, расходуемой на выполнение любых деятельностных проявлений») (Дубов, 2010, с. 56), а содержательные характеристики деятельности отграничить от нее. Однако применительно к социальной активности, на наш взгляд, такой подход не представляется достаточным, поскольку социальная активность может предполагать не только различную энергетику, но и различные уровни «социальности» и содержания. Кроме того, необходимо отметить и то, что в активности участвует вся личность и в ней же она формируется. Как показывают исследования А.И. Крупнова, различные подсистемы личности (содержательно-смысловая и инструментально-стилевая) обеспечивают характер и направления активности, а также тонкую настройку на выбор той или иной ее формы (Крупнов, 2006).

Несмотря на, казалось бы, длительную разработку понятия социальной активности в смежных науках, до сих пор имеются трудности в операционализации этого понятия в психологии. Мы исходим из необходимости в оценке области социальной активности, ее содержательных аспектов. Операционализация социальной активности предполагает раскрытие различных ее сторон и опору на имеющиеся в современности психологические измерительные средства. Одним из наиболее эффективных способов выяснения степени участия в той или иной форме активности может быть шкалирование степени ее выраженности. Кроме того, сам факт включения в какое-либо общественное образование (субкультурное, партийное, профсоюзное, социальное движение и т.п.) тоже может быть ее индикатором.

Важнейшим показателем социальной активности является субъективное отношение к своей активности, выражаемое либо прямо, через ее оценку, либо опосредованно, через качество активности — удовлетворенности ею. Наконец, еще одним опосредованным индикатором может служить значимость социальной активности как ценности в системе ценностных ориентаций личности.

Анализ различных сторон реализуемой социальной активности личности, таким образом, может раскрыть различные составляющие ее структуры — когнитивную, эмоционально-оценочную, мотивационно-волевую, поведенческую.

Когнитивный компонент отражает ее познавательный ресурс, характеризует систему представлений о видах и формах, а также их месте в системе активности и поведения человека в социуме. Эмоционально-оценочный компонент характеризует ее притягательность, оценку с точки зрения усвоенных в процессе социализации критериев личной и/или общественной полезности. Мотивационно-волевой компонент отражает приверженность к ней с позиции реализации определенных потребностей, целей и смыслов, возможности приложения усилий, произвольности. Поведенческий компонент характеризует последовательное поведение, реализуемое в соответствии со сферой активности, выбор соответствующих стратегий, форм и т.д.

Компоненты структуры социальной активности выделены нами в результате теоретических (Шамяонов, 2012) и конкретно-научных исследований (Шамяонов, Григорьева, 2012; Григорьев, 2012; Соколова, 2011).

Таким образом, оценка социальной активности может быть произведена как с точки зрения объективных характеристик включения человека в какие-либо общественные образования или события, так и с точки зрения выраженности компонентов ее внутренней структуры и динамики.

Генез социальной активности

Социальная активность личности и групп представляет собой такую активность, которая и основана, и содержательно направлена, и реализуется в социальных связях, через социальные связи и для реализации потребности в социальных связях. Поэтому социальная активность должна рассматриваться сквозь призму социализации личности и группы. Только в этом контексте можно понять, в какой плоскости реализуемая активность может быть целесообразна, полезна и результативна как с позиции субъекта, так и с позиции социума. Это же относится и к анализу социальной активности в возрастном аспекте. Статус социальной активности здесь неодинаков: если в рамках первичной социализации социальная активность подтягивает различные уровни социального и когнитивного развития (Шамяонов, Григорьева, 2012; Shiratuddin, 2017), то в позднем возрасте она становится важнейшим фактором благополучия и здоровья (Суслова, 2017); относительно когнитивных функций не все однозначно: в конкретно-научных исследованиях не всегда подтверждается прямая связь между ними и активностью (Brown, 2012).

Наиболее значимым с точки зрения социальной психологии моментом в изучении социальной активности личности и групп является ее двоякий генез: с одной стороны, социальная активность является эффектом социализации личности, а с другой — эффектом развития субъекта как способного осознанно и планомерно реализовывать свою социальную сущность сообразно социальным представлениям, нормам, ценностям и ролевым позициям, усвоенным в процессе социализации. Иначе говоря, в социальной активности реализуются и функция личности (направляющая), и функция субъекта (реализующая) (по Е.А. Сергиенко). Поэтому изучение социальной активности предполагает анализ ее внутренних и внешних детерминант, включая различные культурные феномены (Шамяонов, 2012; Бочарова, 2012).

Побудительные механизмы социальной активности

Весьма важным вопросом является также вопрос об источниках социальной активности, ее механизмах. Источником активности является «неуравновешенность живой системы, в частности человека» (Леонтьев, 2004, с. 5). Основным механизмом зарождения активности, по мысли В.Г. Леонтьева, является «механизм динамического равновесия», заключающийся во взаимном переходе состояний уравновешенности и неуравновешенности в связанных системах организма и личности; в той системе, где возникает неуравновешенность, возникает активность (т.к. уравновешивание в одной системе осуществляется за счет ресурсов другой системы) (Леонтьев, 2004, с. 6). Механизмы социальной активности

можно различать на первичные и вторичные. К первичным относится мотивация, общие механизмы регуляции деятельности; вторичные — механизмы согласования/рассогласования системы взаимодействия личности и среды, выражающиеся в удовлетворенности/неудовлетворенности личности.

Е.П. Ильин, обсуждая проблему побудительных механизмов активности, приходит к выводу о том, что «почти все (исследователи. — *Ш.Р.*) признают за потребностью функцию побуждения активности (поведения, деятельности) человека» (Ильин, 2014, с. 21), и что вопрос о причине активности тесно связан с волей: участвует она в инициации активности или нет, противоречит активности воле (желанию) субъекта или не противоречит (Ильин, 2014, с. 16). Между тем исследователи признают, что одна и та же потребность может привести к различным формам активности. Не углубляясь в обсуждение темы соотношения потребности и мотива (для одних исследователей потребность и есть мотив, для других — потребность и мотив совершенно различные явления), отметим лишь то, что в случае социальной активности, т.е. активности целенаправленной, осознанной и преднамеренной, важнейшую побудительную роль играет мотив, «обозначающий то объективное, в чем эта потребность конкретизируется в данных условиях и на что направлена деятельность» (Леонтьев, 1972).

В.Г. Леонтьев относил мотивацию к психологическим механизмам активности (Леонтьев, 2004). Применительно к социальной активности важнейшими являются мотивы высшего уровня, основанные на социальных связях и отношениях. Мотивы самореализации, коммуникации, персонализации и другие обуславливают те или иные формы социальной активности как способы достижения равновесия с социальной средой, установления соответствующих связей. Вместе с тем В.В. Новиков предполагал, что вторичные потребности являются «новыми маршрутами» реализации первичных (Новиков, 1998, с. 181). Однако, как отмечает автор, вторичные мотивы могут становиться сильнее первичных и определять поступки и достижения в творчестве, науке, иных областях деятельности конкретного человека. Можно также предположить и то, что социальную активность личности побуждают мотивы разного уровня, но поддерживают ее все же вторичные. Кроме того, социальная активность как активность более высокого порядка всегда полимотивирована. Это создает также условия для определенной свободы в ее реализации, когда одинаково направленная активность может достигать разные цели и создавать разные эффекты. Е.С. Соколовой выделена иерархическая структура мотивов социальной активности, представленная тремя подструктурами: потребностной, целевой и внутреннего контроля (Соколова, 2018). Иерархичность структуры мотивов означает их разную силу в различных ситуациях. Мы предполагаем, что в каждый момент времени и в определенных условиях сила разных мотивов может быть различной, и тогда иерархия может быть иной, т.е. порядок в иерархии мотивов может быть изменен. В исследовании Е.С. Соколовой предпринят анализ мотивации активности в зависимости от ее уровня, но не конкретизированы ее области, что делает невозможным использование этих результатов для уточнения побудителей конкретных видов активности. Последнее было предпринято А.В. Григорьевым, в работе которого выяснилось, что имеется как

сходство, так и различия в мотивации различных форм социальной активности (Григорьев, 2012). Однако ограниченное количество анализируемых мотивов не позволило провести более тонкую дифференциацию побудителей социальной активности. Вместе с тем результаты этих исследований свидетельствуют о том, что мотивы социальной активности весьма разнородны, а порой даже неожиданны (например, обнаруженный в исследовании А.В. Григорьева мотив комфорта как побудитель политической активности молодежи (Григорьев, 2012, с. 69)).

Одним из важнейших побудительных механизмов социальной активности является удовлетворенность собой, отношениями, жизнью в целом. Удовлетворенность есть показатель согласованности личности и социальной среды. Соответственно, любое рассогласование в этой системе создает зону напряжения и вынуждает личность производить действия по его устранению, приводя систему к согласованности. Необходимо отметить, что удовлетворенность/неудовлетворенность — есть динамическая характеристика. В динамике ее элементов всегда имеется рассогласованность, диахрония. Оптимальная диахрония создает динамическое равновесие в системе, что может быть квалифицировано через понятие «адаптация». Между тем диахрония элементов удовлетворенности своей активностью в различных сферах (жизни, отношениях, своего «Я» и т.п.) может побуждать к ее (активности) усилению в одних сферах и снижению (а порой и прекращению) в других. Отметим, что в случае ее просоциальности, позитивности высока вероятность достижения удовлетворенности личности собой и своей активностью, поскольку в этом случае происходит согласование внутренних и внешних ее инстанций. Кроме того, такое согласование имеет общественный эффект, когда активность одного не является помехой для другого (других). Поэтому поиск условий просоциальной активности как своего рода альтернативы активности деструктивной, направленной на разрушение социальных норм и ценностей, является важным шагом на пути построения теории позитивной социальной активности. Основу такой теоретической позиции должна, очевидно, составлять теория социализации личности как процесса и результата усвоения норм, ценностей, установок и представлений в процессе включения личности в группы и системы межличностных отношений. В этом случае можно реализовать и системный (внутреннюю иерархию и механизмы взаимодействия), и метасистемный (система социальных отношений) уровни анализа социальной активности с учетом ее эффектов.

Механизм удовлетворенности/неудовлетворенности реализуется на основе диахронического рассогласования на разных уровнях бытия личности во взаимосвязи с социальной средой. Диахроническое рассогласование значит различие динамики личности (группы) и той социальной среды, в которой она функционирует. Согласованность динамики значит относительную адаптированность личности (группы) к этой среде, а рассогласование приводит к напряжению. Более того, совпадения (несовпадения) фаз изменения отдельных характеристик определяют характер бытия личности в социальном пространстве, создавая динамическое равновесие либо неравновесие, побуждающее к *изменению активности* (а не просто к активности). Диахрония характеристик личности предполагает

одновременный, на протяжении временного континуума, рост доминирования одних и спад других характеристик, который может осуществляться как внутрифункционально (например, как нами было обнаружено, применительно к показателям личностной зрелости), так и межфункционально, т.е. на уровне двух или более функций (например, ответственность и самостоятельность в подростковом возрасте).

Действие этого механизма регулируется характером развития личности. Очевидно, на разных этапах становления личности динамика ее различных составляющих неодинакова. Фазы интенсивного роста и спада одних сменяются относительной стабилизацией и ростом других элементов. Несомненно, внешние условия являются специфичными для лиц определенного возраста, поколения или уровня зрелости. Поэтому, казалось бы, одни и те же события по-разному откликаются у представителей разных поколений и страт. Это значит, что действие механизма диахронического рассогласования является специфичным для представителей различных групп. Поэтому необходимо учитывать эту специфичность для оценки и прогнозирования социальной активности личности и групп на разных уровнях ее проявления и организации (возрастном, половом, субкультурном и т.п.).

Заключение

Социальная активность личности представляет собой эффект социализации (свидетельствующий о ее мере и глубине) и развития субъекта, характеризующий его способность предпринимать действия в отношении социальных объектов, направленные на их изменение и преобразование в соответствии с его социальной сущностью, в результате которых происходит изменение субъекта, объекта и социальной ситуации в целом.

Понятие социальной активности необходимо отличать от понятия общей психической активности, характеризующей энергетическую и динамическую ее стороны.

Социальная активность характеризуется полинаправленностью, разноуровневостью и избирательностью. Структура социальной активности включает различные компоненты (когнитивный, эмоционально-оценочный, мотивационно-волевой, поведенческий), которые могут быть измерены социально-психологическими средствами.

Побудительные механизмы социальной активности основаны на неравновесности взаимосвязанных систем (личности и организма, личности и социума и т.д.). Удовлетворенность/неудовлетворенность личности собой, взаимоотношениями, жизнью в целом выступает социально-психологическим побудительным механизмом социальной активности. Любое динамическое рассогласование характеристик систем (подсистем) приводит к неудовлетворенности личности, что служит толчком для социальной активности в соответствующей или замещающей области.

Теоретическая разработка проблемы социальной активности личности и группы может быть выведена на новый уровень обобщения на основе концепций

отечественных психологов, в работах которых содержится психологическое понимание активности, личности и субъекта, отношений и социального взаимодействия (С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, Г.М. Андреева, В.Н. Мясищев и др.). Применение системно-диахронического подхода и принципов позитивной психологии для анализа социальной активности позволит раскрыть ее внутреннюю психологическую картину, динамику и содержательные механизмы.

Важным практическим моментом в теоретическом исследовании проблемы социальной активности личности и группы является возможность разработки методов оценки различных ее характеристик, в том числе по критериям про- и асоциальности, конструктивности и деструктивности и т.п., программ риск-менеджмента социальной активности, инклюзии в добровольческие формы социальной активности и пр. Это также требует широкомасштабных социально-психологических эмпирических исследований, направленных на изучение структуры социальной активности, ее особенностей в различных группах и регионах, установление связей активности с социокультурными, социально-политическими характеристиками регионов и стран. Исследования социальной активности личности, ее психологических предикторов, побудительных механизмов и оснований позволяют не только раскрыть психологическую ткань этого явления, но и ее потенциал для социального развития личности, группы, общества, а также становления гражданского общества.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00298).

Список литературы

- Балабанов С.С., Куконков П.И.* Метаморфозы социальной активности в реформируемой России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2013. № 1(29). С. 12–16.
- Бочарова Е.Е.* Взаимосвязь субъективного благополучия и социальной активности личности: кросскультурный аспект // Социальная психология и общество. 2012. № 4. С. 53–63.
- Григорьев А.В.* Мотивация социальной активности молодежи // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12. № 3. С. 66–69.
- Гусейнов А.Ш.* Психологические предпосылки зарождения и поддержания экстремистского мировоззрения молодежи // Казанский педагогический журнал. 2016. № 3 (116). С. 120–127.
- Дробышева Т.В.* Тематическая секция «Социальное самоопределение и социальная активность молодежи» // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 5. С. 115–117.
- Дубов И.Г.* Содержание категории «активность» в отечественной психологии // Социальная психология и общество. 2010. № 1. С. 40–61.
- Дубов И.Г.* Социально-психологические аспекты активности. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. 536 с.
- Журавлев А.Л.* Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72–80.

- Зайцева М.А.* Основные направления изучения проблемы формирования социальной активности учащихся в педагогической теории во второй половине XX века // Педагогика. 2008. № 1(54). С. 8—13.
- Ильин Е.П.* Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2008. 512 с.
- Кравченко С.А.* Социологический энциклопедический русско-английский словарь. М.: Астрель; АСТ; Транзиткнига, 2004. 501 с.
- Крупнов А.И.* Системно-диспозиционный подход к изучению личности и ее свойств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2006. № 1. С. 63—73.
- Крысько В.Г.* Социальная психология: словарь-справочник. Минск: Харвест, 2001. 688 с. С. 16.
- Курпейченко А.Б.* Проблема определения и оценки социальной активности // Психология индивидуальности. Материалы IV Всероссийской научной конференции. М.: Логос, 2012. С. 181—182.
- Курпейченко А.Б., Моисеев А.С.* Взаимосвязь социальных ценностей и стратегий как элементов социального самоопределения // Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. М.: Общероссийская общественная организация «Федерация психологов образования России», 2010. С. 332—333.
- Леонтьев В.Г.* Психологические источники активности личности // Психологические источники активности личности. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004. С. 3—11.
- Михайлова Е.В., Скогорев А.П.* Протесты как форма гражданской активности в современной России // Власть. 2017. Т. 25. № 1. С. 54—59.
- Моисеев А.С.* Психологический подход к определению понятия «социальная активность» // Социально-экономические и психологические проблемы управления. Ч. 1 / под общ. ред. М.Г. Ковтунович. М.: МГППУ, 2013. URL: http://psyjournals.ru/social_economical_psychological_/issue/63212.shtml (дата обращения: 08.08.2018).
- Новиков В.В.* Социальная психология: феномен и наука. М., 1998. 464 с.
- Палаткина Г.В., Азизова Л.В.* Структурные компоненты социальной активности // Теория и практика общественного развития. Педагогические науки. 2012. № 7. С. 85—87.
- Петухов В.В.* Готовность россиян к отстаиванию своих социально-экономических прав в «новой кризисной реальности» // Социологические исследования. 2016. № 11 (390). С. 86—96.
- Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. СПб., 2003. 512 с.
- Русалов В.М.* Темперамент в структуре индивидуальности человека: дифференциально-психофизиологические и психологические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. 528 с.
- Сергиенко Е.А.* Развитие идей психологии субъекта А.В. Брушлинского: системно-субъектный подход // Личность и бытие: субъектный подход / под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 54—58.
- Соколова Е.С.* Социальная активность современной российской молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 197—202.
- Соколова Е.С.* Структурный подход к пониманию мотивации социальной активности молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 2. С. 18. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/2/Sokolova/> (дата обращения: 08.07.2018).
- Сохадзе К.Г.* Социальная активность российской молодежи: масштабы и факторы сдерживания // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2017. Т. 17. № 3. С. 348—363.

- Суслова Т.Ф. Социальная активность личности как детерминанта позитивной адаптации и полноценной жизни в пенсионном возрасте // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 3. С. 63–70. doi: 10.17759/jmfp.2017060307.
- Троцук И.В., Сохадзе К.Г. Социальная активность молодежи: подходы к оценке форм, мотивов и факторов проявления в современном российском обществе // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2014. № 4. С. 58–73.
- Чернышев А.С., Сарычев С.В. Секция «Социальное самоопределение и социальная активность: психологические проблемы молодежной политики» // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 5. С. 112–113.
- Шамяионов Р.М. Психологические характеристики социальной активности личности // Мир психологии. 2012. № 3. С. 145–154.
- Шамяионов Р.М., Григорьева М.В. Психология социальной активности молодежи: проблемы и риски. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2012. 384 с.
- Brown C.L., Gibbons L.E., Kennison R.F., Robitaille A., Lindwall M., Mitchell M.B., Shirk S.D., Atri A., Cimino C.R., Benitez A., MacDonald S.W.S., Zelinski E.M., Willis S.L., Schaie Warner K., Johansson B., Dixon R.A., Mungas D.M., Hofer S.M., Piccinin A.M. Social Activity and Cognitive Functioning Over Time: A Coordinated Analysis of Four Longitudinal Studies // Journal of Aging Research. 2012. Article ID 287438. 12 pages. URL: <http://dx.doi.org/10.1155/2012/287438>
- McFarland D.A., Thomas R.J. Bowling Young: How Youth Voluntary Associations Influence Adult Political Participation // American Sociological Review. 2006. Vol. 71(3). Pp. 401–425.
- Oosterhoff B., Ferris K.A., Metzger A. Adolescents' Sociopolitical Values in the Context of Organized Activity Involvement // Youth & Society. 2017. Vol. 49(7). Pp. 947–967.
- Shiratuddin N., Hassan S., Mohd Sani M.A., Ahmad M.K., Khalid K.A., Abdull Rahman N.L., Ahmad N.S.Y. Media and youth participation in social and political activities: Development of a survey instrument and its critical findings // Pertanika Journal of Social Sciences and Humanities. 2017. Vol. 25. Pp. 1–19.

© Шамяионов Р.М., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

История статьи:

Поступила в редакцию: 16 августа 2018 г.

Принята к печати: 15 октября 2018 г.

Для цитирования:

Шамяионов Р.М. Социальная активность личности и группы: определение, структура и механизмы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 4. С. 379–394. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394

Сведения об авторе:

Шамяионов Раиль Мунирович — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия). ORCID iD: 0000-0001-8358-597X. E-mail: shamionov@mail.ru

Social Activity of Personality and Groups: Definition, Structure and Mechanisms

Rail M. Shamionov

Saratov State University
83 Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russian Federation

Abstract. The problem of social activity of the personality and groups becomes central in modern social, economic and political psychology. The innovative processes in the society, maintaining a dynamic balance in it, entirely depend on the release of the social activity of the individuals and groups, on its freedom and diversity, constructiveness and responsibility. The article presents a theoretical analysis of the problem of operationalization of the phenomena of social activity of the individual and groups, the synthesis of the disparate data on its foundations, motivators, mechanisms and social effects. The definition of social activity as a special case of initiative impact of social actors on the social environment, as the actions aimed at changing and transforming social objects as a result of which there is a change in the personality and the entire social situation, the problem of its operationalization is discussed. It is shown that social activity is the effect of socialization and development of the individual. The differences of social activity in different age periods and its importance for the individual and its socio-psychological status are singled out. The multi-component structure of the social activity, including the cognitive, emotionally-evaluative, motivational, and behavioral components are highlighted. The incentive mechanisms of social activity (motivation, satisfaction/dissatisfaction as an indicator of diachronic mismatch of personality and the social environment) are analyzed. The empirical research aimed at finding out the predictors and basis of the dominant types of social activity of the individual is outlined.

Key words: personality, subject, social activity, incentive mechanisms, structure of activity, system and diachronic approach

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 18-18-00298.

References

- Balabanov, S.S., & Kukonkov, P.I. (2013). The metamorphosis of social activity in the reformed Russia. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, 1(29), 12—16. (In Russ.)
- Bocharova, E.E. (2012). Relationship between Subjective Well-Being and Social Activity: Cross-Cultural Aspect. *Social Psychology and Society*, (4), 53—63. (In Russ.)
- Brown, C.L., Gibbons, L.E., Kennison, R.F., Robitaille, A., Lindwall, M., Mitchell, M.B., Shirk, S.D., Atri, A., Cimino, C.R., Benitez, A., MacDonald, S.W.S., Zelinski, E.M., Willis, S.L., Schaie Warner, K., Johansson, B., Dixon, R.A., Mungas, D.M., Hofer, S.M., & Piccinin, A.M. (2012). Social Activity and Cognitive Functioning Over Time: A Coordinated Analysis of Four Longitudinal Studies. *Journal of Aging Research*, (1). Article ID 287438, 12 p. doi.org/10.1155/2012/287438
- Grigoryev, A.V. (2012). Motivation Social Activity of Youth. *Izv. Saratov Univ. (N. S.). Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 12(3), 66—69. (In Russ.)
- Guseinov, A.Sh. (2016). Psychological background of genesis and maintenance of extremist worldview of youth. *Kazan Pedagogical Journal*, 3(116), 120—127. (In Russ.)

- Drobysheva, T.V. (2010). Tematicheskaya sektsiya "Sotsial'noe samoopredelenie i sotsial'naya aktivnost' molodezhi". *Psikhologicheskii Zhurnal*, 31(5), 115–117. (In Russ.)
- Dubov, I.G. (2010). Contents of the "action" category in Russian psychology. *Social Psychology and Society*, (1), 40–61. (In Russ.)
- Dubov, I.G. (2012). *Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty aktivnosti*. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ. 536 p. (In Russ.)
- Ilin, E.P. (2008). *Motivatsiya i motivy*. Saint Petersburg: Piter Publ. 512 p. (In Russ.)
- Kravchenko, S.A. (2004). *Sotsiologicheskii ehntsiklopedicheskii russko-angliiskii slovar* (pp. 20–21). Moscow: AST Publ. 501 p.
- Krupnov, A.I. (2006). The system-dispositional approach to studying the personality and its properties. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, (1), 63–73. (In Russ.)
- Krysko, V.G. (2001). *Sotsial'naya psikhologiya: slovar'-spravochnik*. Minsk: Kharvest. 688 p. (In Russ.)
- Kupreichenko, A.B. (2012). Problema opredeleniya i otsenki sotsial'noi aktivnosti. *Psikhologiya individual'nosti*. Conference Proceedings (pp. 181–182). Moscow: Logos Publ. (In Russ.)
- Kupreichenko, A.B., & Moiseev A.S. (2010). *Vzaimosvyaz' sotsial'nykh tsennostei i strategii kak elementov sotsial'nogo samoopredeleniya*. Conference Proceedings (pp. 332–333). Moscow: Obshcherossiiskaya obshchestvennaya organizatsiya "Federatsiya psikhologov obrazovaniya Rossii". (In Russ.)
- Leontev, V.G. (2004). Psikhologicheskie istochniki aktivnosti lichnosti. In V.G. Leontev (Ed.). *Psikhologicheskie istochniki aktivnosti lichnosti* (pp. 3–11). Novosibirsk: NGPU Publ. (In Russ.)
- McFarland, D.A., & Thomas, R.J. (2016). Bowling Young: How Youth Voluntary Associations Influence Adult Political Participation. *American Sociological Review*, 71(3), 401–425.
- Moiseev, A.S. (2013). Psikhologicheskii podkhod k opredeleniyu ponyatiya "sotsial'naya aktivnost'". In Kovtunovich M.G. (Ed.). *Sotsial'no-ekonomicheskie i psikhologicheskie problemy upravleniya*, (1). Moscow: MGPPU. Available at: http://psyjournals.ru/social_economical_psychological_issue/63212.shtml (accessed: 8 August 2018). (In Russ.)
- Mikhailova, E.V., & Skogorev A.P. (2017). Protest as form of civil activity in modern Russia. *Vlast'*, 25(1), 54–59. (In Russ.)
- Novikov, V.V. (1998). *Sotsial'naya psikhologiya: fenomen i nauka*. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ. 464 p. (In Russ.)
- Oosterhoff, B., Ferris, K.A., & Metzger, A. (2017). Adolescents' Sociopolitical Values in the Context of Organized Activity Involvement. *Youth & Society*, 49(7), 947–967.
- Palatkina, G.V., & Azizova L.V. (2012). Structural components of the students social activity. *Theory and practice of social development*, (7), 85–87. (In Russ.)
- Petukhov, V.V. (2016). Crisis and protection of the citizens' labour rights. *Sociological Studies*, 11 (390), 86–96. (In Russ.)
- Rubinshtein, S.L. (2006). *Chelovek i mir*. Saint Petersburg: Piter Publ. 512 p. (In Russ.)
- Rusalov, V.M. (2012). *Temperament v strukture individual'nosti cheloveka: differentsial'no-psikhofiziologicheskie i psikhologicheskie issledovaniya*. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ. 528 p. (In Russ.)
- Sergienko, E.A. (2008). Razvitie idei psikhologii sub"ekta A.V. Brushlinskogo: sistemno-sub"ektnyi podkhod. In A.L. Zhuravlev, V.V. Znakov, Z.I. Ryabikina (Eds.). *Lichnost' i bytie: sub"ektnye podkhod* (pp. 54–58) Moscow: Institut psikhologii RAN Publ. (In Russ.)
- Sokolova, E.S. (2011). Social Activity of Contemporary Russian Youth. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, (1), 197–202. (In Russ.)

- Sokolova, E.S. (2008). Strukturnyi podkhod k ponimaniyu motivatsii sotsial'noi aktivnosti molodezhi. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, (2), 18. Available at: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/2/Sokolova/> (accessed: 8 July 2018). (In Russ.)
- Sokhadze, K.G. (2017). Social activity of the Russian youth: the scope and restraining factors. *RUDN Journal of Sociology*, 17(3), 348—363. (In Russ.)
- Trotsuk, I.V., & Sokhadze, K.G. (2014). Social activity of the youth: approaches to the assessment of forms, motives and factors in the contemporary Russian society. *RUDN Journal of Sociology*, (4), 58—73. (In Russ.)
- Chernyshev, A.S., & Sarychev S.V. (2011). Sektsiya “Sotsial'noe samoopredelenie i sotsial'naya aktivnost'": psikhologicheskie problemy molodezhnoi politiki”. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 32(5), 112—113. (In Russ.)
- Suslova, T.F. (2017). Sotsial'naya aktivnost' lichnosti kak determinanta pozitivnoi adaptatsii i polnotsennoi zhizni v pensionnom vozraste. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*, 6(3), 63—70. doi: 10.17759/jmfp.2017060307 (In Russ.)
- Shamionov, R.M. (2012). Psikhologicheskie kharakteristiki sotsial'noi aktivnosti lichnosti. *Mir psikhologii*, (3), 145—154. (In Russ.)
- Shamionov, R.M., & Grigoryeva, M.V. (2012). *Psikhologiya sotsial'noi aktivnosti molodezhi: problemy i riski*. Saratov: Saratov State University Publ. 384 p. (In Russ.)
- Shiratuddin, N., Hassan, S., Mohd Sani, M.A., Ahmad, M.K., Khalid, K.A., Abdull Rahman, N.L., & Ahmad, N.S.Y. (2017). Media and youth participation in social and political activities: Development of a survey instrument and its critical findings. *Pertanika Journal of Social Sciences and Humanities*, 25, 1—19.
- Zhuravlev, A.L. (2009). Collective subject main features, levels and psychological types. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 30(5), 72—80. (In Russ.)
- Zaitseva, M.A. (2008). Osnovnye napravleniya izucheniya problemy formirovaniya sotsial'noi aktivnosti uchashchikhsya v pedagogicheskoi teorii vo vtoroi polovine XX veka. *Pedagogika*, 1(54), 8—13. (In Russ.)

Article history:

Received: 16 August 2018

Revised: 23 September 2018

Accepted: 15 October 2018

For citation:

Shamionov, R.M. (2018). Social Activity of Personality and Groups: Definition, Structure and Mechanisms. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 15(4), 379—394. doi: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394

Bio Note:

Rail M. Shamionov — Doctor Sc. of Psychology, Professor, Head of the Chair of Social Psychology of Education and Development, Saratov State University (Saratov, Russia). ORCID iD: 0000-0001-8358-597X. E-mail: shamionov@mail.ru